

Исторические портреты. ЛУИ-НИКОЛА ДАВУ

Автор: М. К. Чиняков

Чичиков Максим Константинович - научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил.

Имя маршала империи, герцога Ауэрштедтского, принца Экмюльского Луи- Никола Даву относится к разряду имен, которые многие слышали, но о котором, за исключением отрывочных сведений в некоторых работах ¹, мы знаем мало. Между тем за рубежом Даву посвящен ряд исследований французских, английских и немецких историков, и его жизнь - одна из самых изученных среди биографий других 26 маршалов Наполеона.

Среди этих маршалов империи лишь Даву мог похвастаться древним происхождением. Он принадлежал к старинному бургундскому роду, который вел родословную с XIII века. Даву - позднейшая форма фамилии д'Аву, происходившая от замка Аво, расположенного около г. Дижона в округе Со-лэ- Дюк. Известны разные написания этой фамилии: Davout, Davot, d'Avou, а чаще всего - d'Avout, (вариант Davoust к победителю при Ауэрштедте не имеет отношения. Он берет начало с Египетской экспедиции 1798-1801 гг., когда в составе французских войск находился кавалерийский генерал Davoust; родственником маршала он не являлся). В 1950-е годы потомки знаменитого рода носили фамилию д'Аву, за исключением носителя титула герцога Ауэрштедтского, в память о самом маршале.

По одной версии, родоначальником династии Даву были сиры де Нуайе, по другой - сиры де Грансей, от которых предки Луи-Никола получили в качестве феода земли с замком Аво. Древнейшее упоминание о д'Аву восходит к 1279 г.: в документах о заключении сделки фигурирует некий Миль Даву. Прямая ветвь непосредственных предков маршала берет начало от младшего сына Никола д'Аву, сеньора д'Анну, сына Никола д'Аву, сира де Романэ (ум. 1661) и Эдмэ де Сент-Мор. И не случайно Луи-Никола стал на путь военного. Все его предки были "воинственными" людьми и, насколько известно, непрерывно воевали, особенно со времен бургундского герцога Жана Бесстрашного (1371-1429). Сложилась поговорка: "Когда рождается д'Аву, меч начинает вылезать из ножен". Отец Луи-Никола, Жан-Франсуа д'Аву тоже был военным. Участвовал в Семилетней войне 1756-1763 гг., получил ранение, в 1768 г. связал свою судьбу с представительницей старинной дворянской семьи Марией-Аделаидой Минар.

10 мая 1770г. в местечке Анну (теперь - деп. Ионна) у них родился первенец Луи-Никола. Позже у него появились сестра Жюли, а также

стр. 59

братья Александр и Шарль, ставшие соответственно бригадным генералом и шефом эскадрона драгунов. Семья вела скромное существование, особенно после смерти на охоте Жана-Франсуа в 1779 году. После этого случая семья переехала в Равьер, где

прошло раннее детство маленького Луи. В шестилетнем возрасте его отдали в Королевскую военную школу в Осере. Будущий победитель при Ауэрштедте ничем не проявлял в юном возрасте каких-то талантов и оказался весьма посредственным учеником. Исключение в лучшую сторону составляли геометрия и алгебра. Луи приходилось в школе нелегко, но он учился подчиняться предъявляемым требованиям. Большую помощь ему оказал учитель математики Ш. М. Лапорт, сыгравший в воспитании подростка значительную роль.

Еще в юные годы Луи проявил интерес к военной истории и во время учебы в Осере составил две "исторические тетради", в которых попытался проанализировать военное прошлое Франции ². 27 сентября 1785 г. он был выпущен из школы со званием младшего лейтенанта и поступил в высшее военно-учебное заведение - Парижскую военную школу, что было престижно для малообеспеченного дворянина. Существует легенда, согласно которой Даву учился там якобы вместе с Наполеоном Бонапартом. Однако Наполеон закончил школу 1 сентября, то есть раньше поступления туда Луи. В Париже впервые раскрылись военные дарования Луи. Он показал себя способным учеником, желающим учиться и старающимся постичь закономерности всех военно- исторических событий.

2 февраля 1788 г. младший лейтенант д'Аву прибыл в назначенный для дальнейшего прохождения службы кавалерийский Шампанский полк, где ранее служили его дед и отец, а в том году- его двоюродный брат Ф. К. д'Аву. Последний констатировал, что юный кузен, несмотря на слабое зрение, охотно проводит свободное время в библиотеках. Именно тогда этот родственник написал о нем строки, полные грусти и презрения: "Наш маленький кузен Луи никогда не научится делать что-либо в нашей профессии. Он все свое время уделяет Монтеню, Руссо и подобным им чудакам". Можно заметить, что младший лейтенант д'Аву практически мало отличался от младшего лейтенанта Буонапарте, тоже уделявшего книгам много времени. Усидчивый, прилежный и не расточительный, д'Аву использовал любую возможность, чтобы восполнить пробелы в образовании. Именно любовь к книгам сделала его одним из самых образованных маршалов империи.

Возможно, как раз увлечение Луи "философиями" сыграло основную роль в формировании его мировоззрения. Революцию в 1789 г. 19-летний офицер воспринял с радостью, в отличие от подавляющего большинства офицеров- дворян Шампанского полка. В дни революции д'Аву превратился в Даву, чтобы уничтожить бросавшуюся в глаза при написании предательскую частицу "де", означавшую принадлежность к аристократии. Тогда подобный поступок выглядел в глазах народа патриотично, и так поступали многие.

Первое время в ходе начавшейся революции Даву были свойственны громкие заявления. Весной 1790г., он предлагает себя в письме одному журналисту из окружения А. Мирабо, чтобы выслеживать "офицеров-аристократов" своего полка при условии полной анонимности: "Сохраните мое имя в тайне, и я, будучи добропорядочным патриотом, еще могу многое вам рассказать о том, от чего еще имеем глупость страдать". Это письмо, далекое от благородства и граничащее с бесчестьем, подписано тем не менее "по-аристократически": "шевалье Даву". А дочь маршала, опубликовавшая данный документ, преподнесла его как некое геройство ³. Тем не менее, это письмо явилось скорее исключением из правил поведения Даву, поскольку было как бы продиктовано суровыми нравами эпохи, а не его принципами. За редким исключением, Даву потом совершал на всем протяжении

жизненного пути лишь поступки, вызывающие к нему чувство уважения.

В 1790-е годы Франция погрузилась в революционную пучину, когда подозрительность легко находила себе питательную почву. В стране име-

стр. 60

лось достаточно людей, исповедовавших, с одной стороны, республиканские идеи, с другой - монархические. В апреле - мае 1790 г. в Шампанском полку вспыхнуло недовольство солдат против офицеров. Даву стал единственным из лиц командного состава, кто попытался объективно разобраться в причинах мятежа, но в одиночку ничего не смог сделать. В результате чистки из полка уволили до 50 человек, а Даву познал даже холод тюремных стен. Но по истечении шести недель ситуация отрегулировалась, Луи выпустили на свободу. Отныне в полку он стал числиться неблагонадежным, попал в опалу, и ему ничего не оставалось иного, как в сентябре 1791 г. уйти в отставку. Он вернулся в Равьер.

В 1791 г. во Франции с целью увеличения численности армии формируются батальоны волонтеров. Офицерский и унтер-офицерский состав был выборным. Даву являлся одновременно и опальным, и военным с профессиональным образованием, к тому же обладал революционным энтузиазмом. Поэтому 26 сентября его избрали подавляющим числом голосов (400 из 585) подполковником, заместителем командира батальона Йоннских волонтеров. В личной жизни Даву тоже произошло важное событие: он женился 8 ноября на Мари-Николь-Аделаиде де Сёгено, принадлежавшей к родственникам мадам Минар. Но новобрачным не суждено было долго наслаждаться семейными счастьем: уже в декабре молодой супруг, оставив жену, отбыл в батальон.

С апреля 1792г. началась настоящая служба подполковника - в стычках с врагом, под свист пуль и стоны раненых. В начале военной карьеры, выпавшей на период революционных войн Франции, Луи сражался под знаменами известных генералов М. -Ж. Лафайетта, Ш. -Ф. Дюмурье, маршала Франции Н. Люкнера. 18 марта 1793г. произошло сражение при Неервиндене, которое французы во главе с Дюмурье проиграли, но Даву отличился там храбростью и стойкостью. А вскоре Луи попал в омут политики, причем не очень чистой. Его начальник Дюмурье вынашивал план восстановления конституционной монархии и с этой целью вступил в тайный сговор с австрийцами. Однако генерал не учел сильных республиканских настроений в армии. Одним из тех, кто был решительно настроен против тайных помыслов генерала, стал Даву. 4 апреля 1793 г. он поднял свой батальон в ружье и, рассчитав, где должен был проехать Дюмурье на очередную встречу с австрийцами, ринулся наперерез ему. В ходе перестрелки между волонтерами и свитой генерала последнему удалось бежать, бросив своих людей. Луи тоже стрелял по мятежнику, но промахнулся. За участие в подавлении мятежа Даву наградили, и 1 мая он получил эполеты бригадного генерала.

Затем произошло новое повышение по службе. Отличившись в Вандее, в сражении при Вийе (август 1793 г.), за проявленные выдержку и самообладание он был назначен дивизионным генералом. Напомним, что в середине 1793 г. в

революционных армиях Франции началась чистка, вызвавшая изгнание дворян. Зная об этом, Луи принял неординарное решение, отказавшись от нового звания и подав рапорт об отставке. Вновь прибыв в Равьер, Даву попал в водоворот личных проблем. Он узнал, что его жена вела себя слишком вольно в отсутствие супруга, и немедленно начал бракоразводный процесс. Со стороны жены противодействия не встретилось, и 3 января 1794г. Даву добился развода по причине "несовместимости характеров". А 3 августа 1795 г. юная Мари-Николь скончалась, оставив Луи свободным перед церковью и людьми. На этом его семейные проблемы не закончились. В отличие от ее сына, сочувствие и интересы его матери находились на стороне роялистов. Чтобы не допустить полной конфискации имущества эмигрантов, она попыталась сохранить для них собственность, даже вступая в противоречие с законом. Гражданку Даву по тем временам ожидал только один приговор - смертная казнь.

Сын проявил в этих обстоятельствах неподдельную любовь. После ареста матери и заключения мадам Даву в Тореннскую тюрьму около Осера он приложил все усилия, чтобы спасти ее. Но генерал в отставке ничего не добился: заслуги Луи-Никола на полях битв за республику не

стр. 61

были приняты во внимание. Тогда, невзирая на пристальное внимание к своей особе, Даву, ускользнув, от полиции, тайком пробрался в Равьёр. Его дом был опечатан, но Луи сумел проникнуть внутрь, не трогая печатей, и выкрасть компрометировавшие мать документы из семейного тайника. Поскольку в руках осерских судей не нашлось достаточно материалов, чтобы казнить гражданку Даву, ее просто посадили в тюрьму. И здесь Луи опять оказался на высоте: он отправился с матерью в добровольное заключение, длившееся для них вплоть до переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.), когда на смену якобинцам пришла Директория.

Революционные войны продолжались. Соответственно, армии требовались не только новобранцы, но и профессиональные военные. Даву как раз был таковым. Покинув осерскую тюрьму, он сразу же отправился в армию, прочно уяснив, что ремесло военного - именно его призвание. И 21 сентября в чине бригадного генерала он прибыл в Брестскую армию (Вандея). Но Луи не желал сражаться с французами, испытывая отвращение к гражданской войне, и добился отправки за границу для борьбы с внешними врагами революции. Уже через неделю его увидели в Мозельской армии под командованием генерала Ж. -В. Моро. Мозельцы вскоре двинулись на Люксембург - базу и оплот австрийцев, являвшийся в те времена одной из самых мощных крепостей в Европе. Его осада затянулась. Для защитников города это не представлялось обременительным, поскольку австрийский командующий имел достаточно ресурсов для сопротивления осаждавшим.

Узнав о существовании в нижней части города мельницы Айх - главного источника пополнения продовольственных ресурсов, Даву принял смелое решение уничтожить ее. Это произошло 4 марта 1795 года⁴. Ночная атака французов произвела большое впечатление на противника, и вскоре Люксембург капитулировал, причем потери отряда Даву составили всего двое убитыми. Не похоже ли это событие на действия

одного малоизвестного тогда командира-артиллериста, который, найдя на карте окрестностей Тулона форт Эгийет, воскликнул: "Вот где Тулон!". Действительно, в начале карьеры и Бонапарта, и Даву встречалось немало общего.

Но когда Люксембург пал, Луи уже не находился среди осаждающих: вместе с генералом Ж. -Ж. Амбером, его новым начальником, он отправился на другие поля сражений. В результате удачных действий австрийского фельдмаршала Д. С. фон Вурмзера в сентябре 1795 г. противник блокировал г. Маннгейм, в котором оказалось французское войско без достаточного количества боеприпасов и провианта. Продержавшись полтора месяца, город сдался. В число пленных попал и Даву. Но ему повезло: Вурмзер был знаком с его дядей и узнав, что племянник его хорошего знакомого в плену, отпустил Даву домой. Даву опять вернулся в Равьёр. Чтобы не терять зря времени, он постоянно штудирует военную литературу, заполняя пробелы в своей теоретической подготовке.

Через девять месяцев генерал Даву снова вступил в строй, на этот раз в составе Рейнско-Мозельской армии под командованием того же Моро. Он участвовал в обороне г. Келя, который, впрочем, был все же сдан австрийцам. Это событие знаменательно в судьбе будущего маршала тем, что там он познакомился с человеком, во многом способствовавшим изменению его судьбы. Речь идет о генерале Л. -Ш. Дезэ, о чьих военных дарованиях Бонапарт всегда отзывался с неподдельным восхищением. 22 марта 1798 г. в Париже при посредничестве Дезэ как раз и состоялась встреча уже прославившегося в Италии генерала Наполеона Бонапарта и малоизвестного генерала Даву. Как сообщает секретарь и друг Наполеона Л. А. Бурьен, Даву произвел сначала на Бонапарта впечатление "отвратительного животного"⁵ (справедливости ради отметим, что Бурьен находился в плохих отношениях с Даву).

Однако рекомендация Дезэ явилась весомой причиной для Бонапарта, чтобы взять с собой умелого кавалериста в Египет. По прибытии в Африку Даву участвовал в сражении при пирамидах и в июле 1798 г. вступил в Каир. Но затем здоровье его было подорвано дизентерией, и он не принял участия в Сирийской кампании. Зато состоялся поход Дезэ в Верхний

стр. 62

Египет с целью уничтожить остатки войск султанского военачальника Мурадбея. В составе отряда Дезэ находился и Даву, который неоднократно подтверждал свое искусство военачальника - в боях при дер. Сауаки, дер. Тахта и других местах. 25 июля 1799 г. Бонапарт одержал победу во втором сражении при Абукире (первое, морское, состоялось в августе 1798 г.; третье - в марте 1801 г., когда французский гарнизон капитулировал перед англичанами). Луи удалось смелой атакой захватить побережье при форте Абукир, что лишило осажденных турок подвоза припасов с моря.

После отъезда во Францию Бонапарт оставил вместо себя Ж. -Б. Клебера, заключившего с англичанами перемирие. Его условия Даву отказался выполнять и не подписал документа, ибо считал, что французские войска имеют довольно сил для

сопротивления. Чтобы привлечь на свою сторону непокорного кавалериста, Клебер присвоил Луи звание дивизионного генерала. Но Даву опять отказывается от него (во второй раз!), хотя и мечтал о повышении. Получив в феврале 1800 г. известие о превращении генерала Бонапарта в Первого консула Франции, Даву и разделявший его взгляды Дезэ решили действовать подобно их прежнему главнокомандующему. 3 марта они оставили порт Александрии на борту двух кораблей. Дезэ плыл на бриге "Ла Санта Мария делла Грация", Даву - на сторожевике "Этуаль".

Несомненно, это могли расценить как дезертирство. Морское путешествие мятежных генералов закончилось благополучно: 24 апреля они высадились в Тулоне. 3 июля Даву все же получил звание дивизионного генерала, с благодарностью принял новое назначение и по приказу Первого консула отбыл в Итальянскую армию на должность начальника кавалерии. В Итальянской кампании 1800 г. он, невзирая на неприязнь со стороны старых командиров- санкюлотов к нему как представителю одного из "господ", служивших в Рейнской армии, успешно продолжал службу. При Поццоло он во главе драгун провел блестящую атаку, решившую участь сражения в пользу французов. Эта кампания завершилась торжеством Франции: подписание Люневильского договора в 1801 г. принесло победу.

Дезэ оставался одним из редких и любимых друзей Наполеона, и последний, испытывая чувство признательности к Даву как другу и однополчанину безвременно погибшего Дезэ, продолжал оказывать Луи-Никола знаки уважения. Не следует, впрочем, путать это с фаворитизмом в плохом смысле слова, когда повелитель жалует милости бесполезным, но угодливым людям. Даву был отменным профессионалом, и Наполеон видел это. Тем не менее, именно дружба с Дезэ ввела Луи-Никола в сонм наполеоновских знаменитостей. Ведь были же во французской армии люди не хуже Даву, но оставшиеся до конца своих дней малопризнанными. Отметим три наибольшие "милости" Наполеона по отношению к Даву: назначение маршалом, дарование титулов герцога и принца, введение в семью Бонапартов. Хорошо известен факт женитьбы маршала И. Мюрата на младшей сестре Наполеона Каролине; но, наверное, не все знают, что Даву одно время тоже числился в родственниках Первого консула.

Второй супругой Луи стала Эме Леклерк, сестра мужа Полины Бонапарт, генерала В.-И. Леклерка. К тому же Эме была подругой и Каролины, и Гортензии Богарне, падчерицы Первого консула. Эме происходила из буржуа г. Понтуаза, ее отец удачно торговал зерном, что отразилось на приданом: 150 тыс. франков. Да и сама девушка была "хорошенькой особой и чистая душой". Она получила образование в салоне, где научилась "изящным манерам - тому, чего так не хватало ее супругу". Действительно, наравне с проявлением высочайшей образованности Даву бывал грубоват и, кроме того, являл собой контраст между боевым генералом и неряшливым в быту человеком. Во времена Консульства его часто можно было увидеть в светском обществе в грязных сапогах, с нечищеными ногтями, в не первой свежести фланелевой жилетке. Он презирал светские условности.

Несмотря на внешне кажущееся благополучие супругов Даву, их брак не был счастливым. Причиной тому послужила смерть их четверых детей

(из восьми) в младенчестве. Очень быстро Луи охладел к жене, несмотря на свои первые искренние проявления нежной любви к ней. Первый консул дал согласие на брак Даву, и 7 ноября 1801 г. был подписан брачный контракт. Свидетелями церемонии выступали все представители клана Бонапартов, находившиеся в Париже на тот момент, в том числе сам Первый консул с супругой. Брак по церковным канонам состоялся 9 ноября.

Политическая обстановка после победы Бонапарта над австрийцами при Маренго и победы Моро при Гогенлиндене в 1800 г. на поверку оказалась не такой уж благополучной. Англия по-прежнему не была сломлена. Требовалось ослабить именно "туманный Альбион". Первый консул задумал разгром противника высадкой массового десанта. В Бельгии формируются лагеря для комплектования воинских контингентов, которым надлежало занять Британские острова. Именно из них выросли потом армейские корпуса Великой армии императора.

30 августа 1803 г. Бонапарт назначил Даву начальником лагеря в Брюгге. Луи получил то место, на котором выказал вскоре недюжинные организаторские способности. Ему и раньше приходилось заниматься военно-административной работой, но не в таком масштабе. При обучении подчиненных будущий маршал считал основополагающими четыре принципа: личный пример; высокие требования к офицерам; постоянная забота о солдатском быте и (просто по Суворову) "каждый солдат должен знать свой маневр". Эти принципы оправдали себя в полной мере. Опираясь на них, Луи создал прекрасно отобработанное и обученное соединение, с которым совершит знаменательные подвиги.

18 мая 1804 г. Первый консул стал императором. Наполеон I создавал новое Французское государство на осколках монархии и на руинах республики. Одной из известнейших акций стало учреждение им титула "маршал империи" (провозглашен в сенатус-консульте 19 мая 1804 г.). Прежний титул маршала Франции, отмененный Конвентом Республики еще 21 февраля 1793 г., являлся монархическим и напоминал французам о королевской власти. Наполеон спокойно реанимировал его. Император не раз затем ошибался, и говорил о маршалах Франции, хотя юридически такого выражения при Первой империи уже не существовало. Тем не менее, именовать маршалов наполеоновской эпохи маршалами Франции неправомерно (как делают это, к сожалению, отечественные энциклопедические издания). Кроме того, маршал империи - не высшее воинское звание, а высший титул, ибо Наполеон не хотел создавать в государстве закрытую касту военных. Первым в списке новых маршалов (не считая четырех почетных) шел военный министр и начальник штаба Л. -А. Бертье, вторым - лихой кавалерист, зять императора И. Мюрат. Имя Даву как самого молодого и мало известного широким массам находилось на 13-м месте из 14-ти⁶.

Десант сил Наполеона в Англию не состоялся, и ему пришлось воевать на суше с Третьей коалицией. Началась Австрийская кампания 1805 года. Решающим сражением между противоборствующими сторонами стала битва при Аустерлице. На 3-й корпус Даву выпала ответственная задача: Наполеон поставил его на правом фланге, куда, как он уже знал, будет направлен главный удар русско-австрийских войск. Наполеон выбрал тогда именно Даву, поскольку был уверен в его стойкости и хладнокровии. 2 декабря на этот корпус обрушились атаки трех русских колонн. Как

раз упорным сопротивлением Даву вынудил еще и четвертую колонну русских войск вступить в сражение, спустившись с Праценских высот, чего и ждал Наполеон, обрушивший на противника сосредоточенный артиллерийский огонь. Русские и австрийские войска потерпели поражение, а Аустерлиц стал одной из самых блестящих побед императора. Третья коалиция распалась ⁷.

После этой битвы Даву начал преследование противника и уже почти нагнал отходившую русскую армию во главе с Александром I у Гёдинга, когда узнал от русского парламентаря о якобы заключенном перемирии между воюющими сторонами. Поскольку маршал сомневался, ему привезли письменное заверение царя, подтверждавшего факт перемирия. Поколе-

стр. 64

бавшись, маршал решил поверить царю и приостановил преследование русских, не дожидаясь приказа Наполеона. Спустя некоторое время правда выплыла наружу: Александр I обманул маршала ⁸.

То был крайне неприятный момент в жизни Даву, известного своей дисциплинированностью. Подобный поступок для солдата непростителен и должен сурово наказываться. Но здесь необходимо учесть некоторые особенности эпохи. Особа императора являлась священной и неприкасаемой. Так мог ли Даву не поверить российскому помазаннику Божьему? Даву предстояло сделать выбор между долгом солдата и словом царя. Он выбрал последнее, но оказался буквально обведенным вокруг пальца российским самодержцем. Маршал мог утешать себя тем, что был далеко не единственным, кто оказался в дураках у "северного сфинкса". В любом случае, поступок Даву к числу его заслуг не отнесешь. Луи был неимоверно раздосадован ошибкой, и гнев маршала не уменьшился после вручения ему подарка

от Александра I - табакерки, инкрустированной драгоценными камнями.

Некоторые отечественные историки потом полагали, что нескрываемая неприязнь Даву к русским происходила из-за того, что во время пребывания в Варшаве маршал оказался сильно подвержен польскому влиянию⁹. На деле же просто отвращение Луи к интригам и закулисным играм, подкрепленное "честным словом", легло в основу его русофобии, в ряде других случаев ничем не оправдывавшейся.

В 1806 г. против Наполеона выступила и Пруссия. Уже первоначальные столкновения французских и прусских войск закончились поражением последних, и они начали отступать. Император полагал, что главные силы противника находятся около Йены, и направился туда лично. Корпуса Даву и маршала Ж. -Б. Бернадотта должны были захватить Наумбург, нанеся по русской армии фланговый удар. Но Наполеон ошибся: вместо основной массы врага он сразился с корпусом Ф. Л. Гогенлоэ, а под Ауэрштедтом,

стр. 65

в 15 км западнее Наумбурга и в 60 км севернее Йены, один корпус Даву (29 тыс. человек при 46 пушках) в тот же день, 14 октября, вступил в неравный поединок со всей армией прусского короля Фридриха-Вильгельма III (50 тыс. человек при 230 пушках).

Даву умело сдержал фронтальные атаки пруссаков в ожидании переправы корпуса через р. Заале, а потом, сконцентрировав свои силы, нанес мощный удар по противнику с обхватом его левого фланга дивизией Л. Фриана и занятием господствовавших над полем боя высот. Потери пруссаков при Ауэрштедте составили 10 тыс. убитыми и ранеными, 3 тыс. пленными, 115 пушек. Потери французов тоже оказались немалыми:

7 тыс. убитыми и ранеными (из них - 252 офицера)¹⁰. Некоторые авторы полагали, что Наполеон порою завидовал военным успехам своих подчиненных и что это касалось и Даву. Но известно также, что Наполеон написал ему: "Мой кузен, сражение при Ауэрштедте - один из самых прекрасных дней в истории Франции! Я обязан этим смелому Третьему корпусу и его командиру. Я очень рад, что им оказались именно Вы!". Даву был присвоен титул герцога Ауэрштедтского.

За один день французская армия закончила кампанию против Пруссии. Оставались еще русские войска, однако все прусские города были сданы французам без сопротивления, включая столицу королевства Берлин. Конец 1806 и начало 1807 г. прошли для корпуса Даву в новых сражениях с русскими. Важную роль сыграл он в битве при Прейсиш-Эйлау, когда дивизии Даву, с опозданием прибывшие на поле боя, спасли императора, подвергнувшегося атакам генерала Д. С. Дохтурова, чьи силы вышли к ставке Наполеона. Тут дивизия Ж. Морана с хода нанесла фланговый удар по русским войскам в критический момент сражения, когда корпус маршала П. -Ф. -Ш. Ожеро был разбит и французы дрогнули¹¹... С подписанием знаменитого Тильзитского мира в июле 1807 г. кампания закончилась. Но был ли это подлинный

мир? Ведь противоречия, лежавшие между Францией и остальной Европой, оказались в мирных условиях непреодолимыми.

Согласно одному из условий Тильзита, из западных и центральных земель разделенной Польши образовалось Великое герцогство Варшавское. Его генерал-губернатором стал Даву. Как всегда, он тотчас приступил к проведению в жизнь жесткой политики, опираясь одновременно на восторженный прием французов поляками. Лучшего генерал-губернатора в тот период трудно было найти. В только что образованном герцогстве царил хаос. Требовалось добиться централизации государства и навести порядок. Чтобы положить конец большим растратам, Даву в первые же дни администрирования отдал приказ о переподчинении всех польских служб и передаче их под надзор французских военных чиновников.

При проведении каких-то мероприятий маршала менее всего интересовали фаворитизм, интриги, протекции, что делает ему честь. Он был строгим с войсками и твердым по отношению к местному населению и никогда не старался быть любимым. Граф М. -Л. Моле так отзывался о нем: "Этот человек, столь грубый, был ненавидим повсюду, где бы ни командовал". Причем, чем офицер или чиновник находились выше в звании, тем быстрее рисковали навлечь на себя гнев маршала. Он мог обращаться и с генералами, как с лакеями. Луи понимал, что его неприветливость отталкивала от него людей, даже желавших взаимодействовать с ним, и писал Бертье: "Не могу не признаться самому себе, что часто моя требовательность и моя суровость отчуждают от меня хороших офицеров еще до того, как они едва успевают оценить мои истинные намерения". Однако Даву завоевывал и уважение к себе, ибо чувство долга являлось для него превыше всего. Даже его самые злобные враги признавали, что Даву без колебаний принес бы в жертву самое дорогое во благо службе.

С "польским периодом" жизни маршала связана довольно деликатная история. В Варшаве Даву нашел замену супруге в лице француженки, внешне похожей на маршалыпу, некую д'Эрвьё. Она, используя сходство с Эме, часто появлялась в свете вместе с генерал-губернатором. Однако Даву был и в этом плане более сдержанным, чем его коллеги. Так, маршал

стр. 66

А. Массена не только открыто демонстрировал наличие любовниц, но и преднамеренно навязывал их присутствие законным женам его соратников.

Во время пребывания Даву в Польше о нем ходили также слухи, что он намеревался сделаться королем этой страны. Мюрат стал в 1808 г. королем Неаполитанским, и далеко не его одного из бывших республиканских генералов ласкала мысль превратиться в настоящего суверена с подданными. Но к Даву это не относится. Никаких подтверждений тому, что Луи серьезно думал об этом, не существует. Он был слишком честен для политиканства. Как он сам говорил, "быть французом - большая честь, чем быть королем". К тому же маршал видел, что, несмотря на хорошее отношение к французам со стороны поляков, беспрекословным авторитетом у них пользовался князь Юзеф Понятовский, племянник последнего польского

короля и военный министр герцогства Варшавского.

Тем не менее. Наполеон поверил в подобные слухи, хотя не выказывал к Даву никакой неприязни. Она проявилась лишь в конце Русской кампании. А в тот период взаимоотношения маршала и императора можно охарактеризовать как лояльные. Победитель при Ауэрштедте тоже не занимался дворцовыми интригами и подчеркнуто положительно относился к Наполеону. Лишь в конце злополучных "Ста дней" 1815 г. Даву позволил себе "вольности" в отношениях с поверженным императором. А пребывание на берегах Вислы закончилось для Даву осенью 1808 года. Он вернулся в Париж и в марте 1809 г. отбыл вновь из Франции в армию: назревала очередная война с Австрией.

Должность главнокомандующего армией исполнял Бертье. Он был превосходным начальником штаба, но как полководец ничего собой не представлял. Неудивительно, что в первые же дни кампании он допускал ошибку за ошибкой, не будучи в силах управлять действиями многотысячных войск непосредственно на поле боя. Даву лучше разбирался в ситуации и просто не желал выполнять явно ошибочные приказы, хотя и страдал от собственной недисциплинированности. Неизвестно, чем бы это кончилось, но тут на театр военных действий прибыл Наполеон, оценил сложившееся положение и сделал выговор Бертье. Последний оказался злопамятным человеком и навсегда остался заклятым врагом Даву. Их ссоры постоянно отличались потом высоким накалом страстей".

В начале кампании Даву совершил ряд победоносных маршей. В сражении 19 апреля при Танне он столь умело атаковал вражеский корпус эрцгерцога Карла одной дивизией, что австрийцы отступили. Особенно прославился маршал в сражении 21-22 апреля при Экмюле. Эрцгерцог предпринял маневр по охвату французского левого фланга, его главный удар пришелся по Даву, располагавшему двумя пехотными дивизиями и бригадой легкой кавалерии против четырех австрийских корпусов. С этими войсками Луи продержался до подхода главных сил Наполеона. 13 мая французы заняли Вену, но австрийская армия не была разбита, кампания продолжалась. 5-6 июля, неподалеку от столицы Австрии, разыгралась кровопролитная битва при Ваграме. Корпус Даву занимал крайний правый фланг, в его функции вменялось не допустить подхода свежих сил противника и занять высоты у с. Нойзидель. Маршал сыграл и в этой битве далеко не последнюю роль. Несмотря на неудачи в первые часы, он успешными действиями против левого вражеского фланга подготовил общее наступление корпусов Массена и Ж. -Э. -Ж. -А. Макдональда, применив обходный маневр дивизией своего неутомимого генерала Л. Фриана. Наполеон выиграл битву, которая дорого стоила французам. И хотя маршалы высказывались за продолжение боевых действий, император отказался. 14 октября был заключен с Австрией Шёнбруннский мир, превративший ее во французского вассала¹².

С начала 1810 по февраль 1811 г. Даву больше находился при дворе, чем в армии. Он участвовал в свадебных торжествах Наполеона с австрийской принцессой Марией-Луизой в апреле 1810 г., следуя за императорскими супругами в их резиденцию, а 6 апреля принимал участие в пышных

похоронах любимца Наполеона, герцога Монтебелло маршала Ж. Ланна. При дворе Даву являл собой резкий контраст по сравнению с некоторыми другими маршалами: невысокого роста, лысый, в очках на коротком носу. В противоположность ему, более эффектно выглядели другие: Ж. -Б. Бессер - с длинными завитыми волосами и приятной улыбкой, герцог Эльхингенский М. Ней - атлет, не говоря уже о внешне блистательном Мюрате!

Зато Даву испытал чувство удовлетворения, получив титулы герцога Ауэрштедтского со 2 июля 1808 г. и князя Экмюльского с 28 ноября 1809 г.: он стал одним из трех маршалов, обладавших двойными титулами в честь их побед. Даву удостоили также ордена Почетного легиона (трижды различными степенями) и орденов Португалии, Саксонии, герцогства Варшавского. Позже он получил еще ордена Св. Людовика и австрийский - Святого апостолического короля Стефана Венгерского¹³.

Постепенно близилось роковое лето 1812 года. Призрак новой войны витал в воздухе. Противоречия между Францией и Россией в условиях Тильзитского мира стали неразрешимыми. 23 июня 1-я дивизия 1-го корпуса Даву первой же переправилась через р. Неман. Началась Русская кампания (по-французски), или Отечественная война (по-русски). Корпус Даву являлся самым сильным и многочисленным в Великой армии: 69 тыс. человек. Вместе с Даву проехали через Неман его фургоны, в которых находилось, как обычно, только самое необходимое, прежде всего карты России, редкие тогда у французов. Даже сам Наполеон просил их порою у Даву, ибо таких карт не имел и начальник штаба императора Бертье.

Даву полностью разделял мнение Наполеона "Сила армии, как в механике, умножается произведением массы на скорость". Противоположностью ему были в этом плане Мюрат и брат императора король Вестфалии Жером Бонапарт, которые никак не могли передвигаться без многочисленных обозов, отягощавших мобильные передвижения войск. Даву, подчиненный как раз Жерому, действовал против 2-й русской армии П. И. Багратиона. Но брат императора оказался подлинной обузой для маршала. К тому же король Вестфалии не любил выслушивать наставления маршала о тактике, и вследствие беспробудного четырехдневного пьянства Жерома в Гродно Багратион выскользнул из кольца окружения, которое приготовил ему Даву. После этого Наполеон вывел Жерома из состава Великой армии, но Даву так и не сумел разбить Багратиона¹⁴.

Даву взаимодействовал с Мюратом. Они не выносили друг друга. Дело доходило до того, что король Неаполитанский чуть было не вызвал на дуэль герцога Ауэрштедтского. Их отношения дополнительно обострились при переходе через приток Днепра Осьму, когда артиллерийская батарея 1-го корпуса отказалась поддержать огнем кавалерию Мюрата. После боя последний заявил Даву в императорской штаб-квартире, что тот способен погубить всю армию из-за личной неприязни. Луи едко возразил, что не чувствует себя обязанным участвовать в боях, где кавалерия гибнет из-за гордости ее командира, желающего лишь подтвердить реноме лихого рубаки. Наполеон, присутствовавший при этом, стал на сторону зятя.

Подобные распри между маршалами на театре военных действий являлись тогда

обычным делом. Например, в сражении 7(19) августа при Валутиной Горе восточное Смоленска Мюрат и Ней бросили на произвол судьбы дивизию Ц. Гюдена, оставив ее сражаться с русскими один на один. После этой тяжелой схватки Даву сказал: "Они меня просто приговорили к смерти. Но я никого не обвиняю, Бог им судья! "

Отметим роль Даву в Бородинской битве. Накануне он настаивал на обходе русского левого фланга, желая применить свой излюбленный способ ведения сражений, но Наполеон не решился в далекой России на подобный шаг, опасаясь потерять гвардию. И 7 сентября Луи доблестно сражался во главе своих войск. Только получив в первые же часы боя контузию, он отбыл в тыл, причем Наполеону доложили о его гибели. Когда же началось позорное отступление из старой русской столицы, остатки 1-го корпуса (27 тыс. человек) прикрывали общее отступление, исполняя роль арьергарда.

стр. 68

22 октября под Вязьмой Даву сражался с авангардом М. А. Милорадовича. Русские взяли было маршала в кольцо, но тот вышел из него с помощью Понятовского и принца Евгения Богарне. Ней, участвовавший в этом сражении, 3 декабря написал императору, что герцог Ауэрштедтский бился плохо, что вызвало приступ гнева у Луи, так как все происходило наоборот: именно герцог Эльхингенский действовал не лучшим образом¹⁵. Даву рассорился с Неем в пух и прах, поскольку последний, желая спасти свою репутацию, просто старался очернить герцога Ауэрштедтского. В итоге Даву заменили все же на Нея, который выполнял функции командующего арьергардом вовсе не лучше, чем его предшественник.

Под Красным 15-18 ноября результаты поражения французов оказались еще хуже. Чтобы не попасть в руки русских, Даву бросил все, что бережно хранил: карты, раненых, пушки, даже жезл маршала, врученный императором. Однако остатки своих войск маршал спас. Затем оказалось, что пропал Ней с отрядом. Тут же в штаб-квартире Наполеона враги князя Экмюльского заговорили о предательстве Даву по отношению к герцогу Эльхингенскому. Их недовольство Даву, сдерживавшееся до сих пор, вспыхнуло ярким пламенем. Создавшееся для Луи положение было тогда похоже на положение М. Б. Барклая де Толли, который в столь же гнетущей атмосфере пятью месяцами ранее отводил русские войска из-под удара Наполеона.

Если остаткам Великой армии удалось уйти из России, то Даву внес в это посильный вклад. А в 1813 г. вследствие многочисленной армии личных врагов Даву был назначен на второстепенный участок - командующим войсками на Нижней Эльбе, в 32-м военном округе. В мае Даву занял Гамбург, получив затем от Бертье инструкции по проведению репрессий в городе, в которых использовались такие выражения: "Вы арестуете...", "Вы расстреляете...", "Вы конфискуете..." и т. п. Это была своеобразная месть злопамятного начштаба. Если бы подобные меры Луи привел в исполнение, то вряд ли сумел бы потом героически защищать Гамбург. К чести маршала, он опять не стал исполнять дикие приказы, могущие привести к непредвиденным результатам.

4 июня Наполеон, одержав победы при Лютцене и Бауцене, заключил перемирие с

противником, что дало французской армии передышку. Даву получил жестокое для себя распоряжение: корпус, любовно возвращенный им, передать генералу Д. Вандамму. Взамен маршалу вручили необученных и неопытных новобранцев, которых именовали 13-м корпусом, существовавшим пока лишь на бумаге. Даву не успел повидать семью и целиком погрузился в организацию нового соединения и обучение рекрутов. 15 августа возобновились военные действия. Даву в ходе нескольких боев с неприятелем увидел, что его работа по организации нового корпуса дала неплохие результаты. Но, получив грустное известие о проигранной Наполеоном "битве народов" под Лейпцигом в октябре 1813 г., понял, что рассчитывать теперь придется только на себя, и принял решение в одиночку оборонять Гамбург как стратегический объект.

Эта оборона - один из самых известных подвигов Даву. На подступах к городу были возведены многочисленные и сильные фортификационные сооружения, в городе подготовлены обильные запасы продовольствия и боеприпасов. Оригинально решил Даву проблему с жителями Гамбурга. 15 октября увидел свет его приказ: каждому запастись продовольствием на девять месяцев; кто не сможет выполнить предписание, будет выселен из Гамбурга, чтобы не голодать. Когда началась осада, маршал переселил из Гамбурга в соседнюю Альтону 25 тыс. жителей. Так он решил проблему питания местного населения.

К декабрю 1813 г. Даву располагал 42 тыс. воинов (из которых 8 тыс. лежали в госпиталях) при 450 пушках. Вскоре к городу подошли русские войска генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена. Началась осада. 4 января 1814г. на северном участке обороны осаждавшие провели первую атаку, закончившуюся для них неудачно. Даву лично возглавлял некоторое контратаки. 13 февраля, когда русскому отряду удалось

стр. 69

перерезать французские коммуникации, во главе 75 гренадеров Луи сам атаковал противника и задержал его до подхода резервов, сражаясь против превосходящих сил¹⁵. Но умелая оборона Гамбурга не могла повлиять на общий ход кампании, закончившейся для Наполеона подписанием его отречения. 18 апреля Беннигсен сообщил маршалу через курьера эту новость, на что Даву ответил: - Если мой император и передаст мне приказ, то только не через русских офицеров, ибо они не служат под его знаменами.

Вспоминал ли Даву при этом письмо Александра I у Гёдинга? Однако теперь русские оказались правы. В Гамбург прибыл кузен маршала, привезший с собой французские газеты с сообщениями о последних событиях во Франции. Тем не менее, только получив письменные приказы от короля Людовика XVIII и от Бертье, Даву 27 мая 1814 г. вывесил на стенах города белый флаг. Так закончилась четырехмесячная оборона Гамбурга. Маршал остался лично не побежденным. А что ждало его впереди? По дороге во Францию он получил очередной приказ: ему отказывали во въезде в Париж и ссылали в "родовое поместье" в Савиньи. Там он и пробыл до того дня, пока Наполеон не вернулся временно во Францию.

Даву оказался одним из последних маршалов, кто признал Реставрацию, и

единственным из них, кто не принес клятву верности Людовику XVIII. Полагаем все же, что он сделал бы это, окажись в Париже. Заслуга Даву состоит в том, что он не стал добиваться милостей, сохранив чувство собственного достоинства. Многие маршалы, наоборот, доказали, что хорошо познали науку быть придворными: и Бертье, и герцог Данцигский Ф. -Ж. Лефевр, и герцог Далматинский Н. -Ж. де Дьё Сульт. Даву остался тогда независимым от Парижа и от королевского двора. Но он не смог остаться в стороне от интриг и сплетен, так как недостатка в "доброжелателях" не испытывал. С их подачи маршала обвинили в трех грехах: якобы он присвоил деньги из Гамбургского банка, стрелял по королевскому знамени, совершал в городе порочащие честь Франции действия.

В итоге принц Экмюльский вынужден был оправдываться и отправил королю письмо, в котором доказывал свою невиновность. Действительно, из Гамбургского банка изъяли крупную сумму денег, но эту операцию провели официально, в присутствии директора банка и мэра города, и для нужд обороны Гамбурга. Что касается двух других обвинений, то они оказались полностью необоснованными. А 1 марта 1815 г. в заливе Жуан высадился покинувший о. Эльба Наполеон.

Даву был необходим императору, именно его поведение в начале Реставрации служило Наполеону гарантией лояльности. Наполеон предложил Луи портфель военного министра; герцог Ауэрштедтский сразу отказался, считая себя неспособным для данной должности. Тут император заявил: как может князь Экмюльский покидать его в столь тяжелой обстановке, когда тот - один перед лицом всей Европы? Теперь маршал согласился. Перед военным министром (служил с 20 марта по 8 июля) встала задача организовать заново боеспособную армию. А характер маршала оставался по-прежнему грубым и мстительным. В период "Ста дней" вспыхнула его ссора как министра с новым начштаба Сультом. Даву приказывал, Сульт не исполнял.

Некоторые исследователи полагают, что Наполеон сделал неправильный выбор: императору следовало бы иметь Даву на поле битвы при Ватерлоо, а не в Париже. Но в день битвы Наполеону не хватало не только принца Экмюльского, но и многого другого. Была уже не та армия. Сложилась вообще иная ситуация. В Париже узнали о Ватерлоо спустя два дня, 20 июня. Звезда Наполеона окончательно закатилась. Французская армия еще давала отпор 30 июня под Сен-Дени, а 1 июля - под Рокенкурмом. Однако эти частные успехи не могли ничего изменить. Некоторые бесшабашные головы еще кричали о борьбе до последней капли крови, например - маршал Лефевр. Но все уже было предрешено. Даву полагал, что испытывать опьянение от последних легких побед означает приговорить затем Париж к штурму и разграблению. Многие закричали о преда-

стр. 70

тельстве, узнав о намерении военного министра сдать город. Они же впоследствии хвалили маршала за то, что он не поддался лихим воззваниям.

Даву оказался одним из последних маршалов, с кем Наполеону пришлось иметь дело. Бывший император ждал в Мальмезоне документов для отъезда в порт

Ларошель. И тут Луи совершил поступок, противоречащий его прошлым отношениям с Наполеоном и характеризующий его личную грубость. Принимая у себя генерала А. Ш. Флао де ла Бийардери, посланного из Мальмезона, он сказал: - Ваш Бонапарт окажет всем услугу, если избавит нас от себя ¹⁶.

Со вторичным прибытием Людовика XVIII в Париж для Даву опять все повторилось, но уже в худшем варианте: маршала объявили персоной нон-грата в столице и отобрали поместье в Савиньи. Легитимисты вообще были настроены к нему крайне отрицательно. Началась Вторая Реставрация. Она сурово обошлась с теми, кто ранее поддерживал "узурпатора". 28 июня 1815 г. вышла в свет королевская прокламация. В ней, помимо прочего, говорилось о наказании "пособников узурпатора". Был составлен список людей, относившихся к этой категории: 54 имени, из них 17-военных. Увидев в проскрипционном списке имена ряда своих генералов и штаб-офицеров, Даву написал военному министру, чтобы правительственные репрессии обрушились лично на него, а не на тех, кто выполнял его приказы.

Большой победой ультрароялистов считались расстрелы генерала Ш. -А. Лабедойера и маршала Нея. 21 ноября открылся знаменитый процесс над князем Московским, в котором со стороны других маршалов империи было высказано столько же предательства, сколько и порядочности. Даву повел себя достойно. Невзирая на запрет въезда в столицу и преследуемый полицией, Луи прибыл на процесс и выступил там в защиту обвиняемого, того самого Нея, которого возненавидел в конце Русской кампании ¹⁷. Но доводы герцога Ауэрштедтского не были приняты во внимание. Напротив, за подобные действия против нового правительства и нежелание переменить политические взгляды 27 декабря 1815 г. его лишили всех званий, титулов и без жалованья отправили в ссылку в Лувье. Его портрет вынесли из "Залы маршалов" в Тюильри. Потеряв источники всех доходов, победитель пруссаков находился в большом затруднении. Он жил в ссылке на 3 франка 50 сантимов в день, в маленькой квартирке и в компании единственного человека - камердинера Майера. Бюджет Даву был столь мал, что траты в 36 су за пересылку одного письма выводили его из равновесия.

25 июня 1816 г., после того как первая волна ненависти роялистов спала, о Даву вспомнили. В качестве монаршей милости ему позволили взять обратно замок Савиньи. Но Луи пришлось ждать еще два месяца, когда ему возвратили звания и титулы, а Людовик XVIII вручил Даву жезл маршала, теперь уже - маршала Франции. 5 марта 1819 г. князь Экмюльский стал пэром. Состоялось его примирение с новой властью. Жизнь Луи и в Савиньи, где он был хозяином, и в Париже, где он заседал в Люксембургском дворце (там размещалась Палата пэров), оказалась серой и однообразной. Даву признавался в умеренном либерализме. Его речи слушали. Одна из них касалась наказаний за проступки прессы и ссор между министерством печати и издателями газет.

Жизнь Даву была невеселой и в личном плане. Его здоровье ослабевало. Когда же он потерял дочь Жозефину, графиню Вижье, умершую при родах менее чем в 20 лет, то не перенес этого удара и слег. 21 мая 1823 г. нотариусы, которым Даву совсем недавно успел продиктовать завещание, нашли его беспомощно лежавшим на полу. 28-го он принял причастие из рук кюре, а 1 июня его не стало. Маршал умер от острого заболевания легких в своем особняке на ул. Сен- Доминик, купленном им в

1812 году.

Похороны Даву состоялись на кладбище Пер-Лашез, где сейчас на его могиле находится памятник. Никто из властей предрежащих не явился, чтобы проститься с маршалом. Его постарались похоронить тихо и незаметно. Ветеранам наполеоновских войн, сражавшимся под его начальством,

стр. 71

ведено было не являться на это мероприятие. Невзирая на запрет, многие из Дома инвалидов сумели пробраться на кладбище. Некоторые даже перелезали через забор. Правительство хотело наказать тех, кто нарушил распоряжение и пришел проститься с герцогом Ауэрштедтским. Только личное заступничество его жены перед королем спасло их.

Эме Даву пережила супруга на 45 лет, провела их в ссылке и умерла в 1868 году. Она оказалась при Второй империи одним из последних свидетелей блеска Первой империи. Из восьми детей князя Экмюльского выжили четверо: Луи (1811-1853) стал вторым герцогом Ауэрштедтским и последним князем Экмюльским (он умер холостяком), а также Жозефина (1805-1821), Адель (1807-1885) и Аделаида (1815-1892). По мужской линии потомков маршала не осталось. Правда, в середине 1880-х годов жил еще пятый герцог Ауэрштедтский - племянник Луи (сын Шарля, его брата), который по специальному разрешению Наполеона III получил 17 сентября 1864 г. этот титул.

Из всех наполеоновских маршалов Даву был единственным, кто не проиграл ни одного сражения до Русской кампании. В отличие от подавляющего большинства коллег, он любил и умел действовать самостоятельно, воевать меньшими силами против превосходящих сил, и о нем нельзя сказать, что он был лишь "точнейшим исполнителем воли Наполеона"¹⁸. У Даву имелось мало друзей, зато друзьям он был предан, например - герцогу Реджо, маршалу Н. -Ш. Удино, который был единственным среди маршалов, с кем герцог Ауэрштедтский поддерживал хорошие отношения. Только в период "Ста дней" между ними произошла размолвка. Уже находясь на о-ве Св. Елены, Наполеон сказал о Даву: - Это был самый чистый герой Франции.

Примечания

¹ ДЖИВЕЛЕГОВ А. К. Александр I и Наполеон. М. 1915, с. 180-181; КУРИЕВ М. М. Маршалы и Наполеон: групповой портрет. - Very Important Person, М., 1991, N 1, с. 62-63; ТРОИЦКИЙ Н. А. Маршалы Наполеона. - Новая и новейшая история, 1993, N 5, с. 170.

² REICHEL D. Davout et l'art de la guerre. Neuchatel - P. 1975, p. 61-68, 80-85.

³ ECKMUNHL A. L. d', Mse de BLOCQUEVILLE. Le Marechal Davout, prince d'Eckmuhl,

correspondance inedite (1790-1815). P. 1887, p. 24-25.

⁴ VIGIER. Davout, le Marechal d'Empire, due d'Auerstaedte, prince d'Eckmuhl (1770-1823). T. 1. P. 1898, p. 50.

⁵ CHARDIGNY L. Les Marechaux de Napoleon. P. 1977, p. 27.

⁶ GALLAHER J. G. The Iron Marshal. Lnd. - Amsterdam. 1976, p. 215.

⁷ История русской армии и флота. Т. III. М. 1911, с. 30-56.

⁸ HOURTOULLE F. G. Davout le Terrible. P. 1975, p. 125-126.

⁹ ВОЕНСКИЙ К. А. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М. 1912, с. 39.

¹⁰ DAVOUT L. N. Operations du 3e corps, 1806-1807. P. 1896, p. 54-56; HOUSSAGE H. Jena et la campagne de 1806. P. 1912.

¹¹ КОЛЮБАКИН Б. Прейсиш-Эйлауская операция. СПб. 1911.

¹² СУХОТИН Н. Н. Наполеон: австро-французская война 1809г. СПб. 1885.

¹³ MONTEGUT E. Le marechal Davout, son caractere, son genie. P. 1895, p. 77.

¹⁴ ТРОИЦКИЙ Н. А. 1812: великий год России. М. 1988, с. 87-88; HOURTOULLE F. G. Op. cit., p. 246, 283-288.

¹⁵ LEYNADIER C. Histoire des marechaux. P. 1852, p. 27.

¹⁶ CHARDIGNY L. Op. cit., p. 403.

¹⁷ AVOUT A. R. d'. Davout et les evenements de 1815 a propos d'un livre recent. Auxerre. 1906, p. 31.

¹⁸ ТАРЛЕ Е. В. Наполеон. М, 1991, с. 148.